

столице имеет место последнее. Не взирая на исключительные благодеяния, изливавшиеся богом на греков в Царьграде, несмотря на предупреждения свыше о необходимости исправиться, греки не вняли этим указаниям и продолжали свою греховную жизнь. Они должны поэтому понести кару за неисчислимые свои беззакония, что и совершилось, де, теперь в виде окончательной гибели тысячелетнего царства греческого и завоевания его столицы неверными. Повидимому, по своей концепции составитель нашей повести близко примыкал к идеям сказания о построении Константинополя.¹

Для составителя повести не подлежит сомнению, что гибель города была predetermined и неизбежна именно в смысле наказания „за грехи наша“. К этой мысли автор часто возвращается, прерывая последовательное изложение эпизодов осады своими размышлениями. Греки с мужеством отчаяния „крепко борются“ с неверными, в отдельных случаях одерживают верх над осаждающими, нанося им большой урон, успешно отражая приступы. Но успехи эти автор расценивает как бесполезные для конечного, заранее predeterminedого результата борьбы. Вот несколько таких примеров.

1. Сказав о том, как Зустуню удалось заделать пролом в стене, произведенный выстрелом из большой турецкой пушки, составитель прибавляет тотчас же: „Но что мощно учинити противу такия силы, наипаче же противу гнева божиа, грех ради наших?“ (448).

2. Магомет, потерпев поражение при втором приступе, готов был уже снять осаду города: „Но убо понеже беззаконие наше превзыдоша главы наша и грехи наша отяготеша сердца наша, в еже заповедей божиих не послушати и в путех его не ходити, гнева его како убежати?“ (450). Далее речь о „неблагом“ совете греков просить мира у султана, что и имело своим следствием продолжение осады.

(„Сказание о Мамаевом побоище“, редакция XVI века). Грузинская царица Динара одерживает блестящую победу над персами — за свою горячую веру в особое покровительство со стороны богоматери и т. д. Теми же мыслями кончат свое сказание о взятии Царьграда и составитель плача в Хронографе редакции 1512 года.

¹ Составитель этого сказания, перечислив благодеяния, изливавшиеся на город свыше, продолжает: „Но убо естество наше тяжкосердо и нерадиво: и, яко неистовы, юже на нас милость божию и щедрот его отвращаемся и на злодеяние и беззаконие обращаемся, и ниже бога и пречистую его мать разгневаем и славы своеа и чести отпадаем, якоже есть писано: «злодеяние и беззаконие превратит престолы сильных», и паки: «расточи грдыа мысли сердце их и низложи сильна с престол», также и сей царствующий град, неисчетными деанми и беззаконии от толяких щедрот и благодеяний перечистыа Богоматери отпадешся, тмочисленными бедами и различными напастями многа лета пострада, также и ныне, в последняя времена, грех ради наших, овогда нахождением неверных, овогда голодом и поветрии частыми, овогда же междуусобными бранми, и ниже оскудеша силии и обнишаша людие, и преуничжися град и смирися до зела“ (ПСРА. т. XXII, стр. 445). Смысл этой тирады ясно тот же, что проходит и через всю повесть о взятии Царьграда, где эта мысль многократно повторяется, вклиниваясь в самый исторический рассказ, особенно наглядно выражаясь в тех покаянных молитвах, которые вложены в уста осажденных; достаточно привести отрывок одной из них: „Страшное естество и неисповедимая сила [божия], юже древле горы видевше вьстрепеташе... мы же, окааннии, таа вся презревше, съгрешихом и беззаконновахом пред тобою... и тмюкратно разг[н]евахом и озлобихом твоего божества, забывающе твоих великих дарований и презирающе твоих повелений... отвратихомся и на злодеяние и беззаконие обратихомся... вся, яже наведе на ны и на град твой святый преведным и истинным судом, сотворил еси грех ради наших“ (там же, стр. 446, ср. стр. 453). Весьма вероятно предположение, что и сказание о построении Царьграда, хотя бы не всё, составлено автором повести о взятии Царьграда или же автор этой последней воспользовался этим сказанием. На это намекает не только сходство стиля, но и совпадение отдельных выражений и оборотов в обеих статьях.